

подставивъ серебряный крестъ и собственную сморщенную руку десятку вѣрующихъ устъ и окропивъ святой водою столько же смиренно-преклоненныхъ головъ, о. Михаилъ снялъ съ себя облаченіе и остался въ одномъ нанковомъ подрясникѣ.

Служба кончилась.

За нею, конечно, послѣдовало обычное угощеніе «чайкомъ» (самоваръ, чай, сахаръ и всѣ принадлежности были припасены заранѣе изъ питейнаго заведенія, отъ племянницы Писарька).

О. Михаилъ принялъ угощеніе безъ всякихъ отговорокъ.

— Ну, Алексѣй Ивановичъ, — замѣтилъ онъ, присаживаясь на лавку въ «чистой горницѣ», — вотъ ужъ именно можно сказать, все это происшествіе съ тобою въ родѣ какъ бы сонъ нѣкій. Даже не вѣрится... Такъ-таки и выдали тебѣ купчую?

— Выдали, вѣрно вамъ говорю.

— А возможно полюбопытствовать, взглянуть?

— Дѣя-че нельзя? Сичасъ.

Алексѣй Ивановъ и самъ горѣлъ нетерпѣніемъ предъявить батюшкѣ свой драгоценный синій документъ, потому что батюшка «все-таки быдто какъ побольше нашего смыслить, и по крайности разсудить, какъ оно что, крѣпко ли писано».

О. Михаилъ съ полнымъ вниманіемъ, при общемъ напряженномъ безмолвіи всѣхъ присутствующихъ, прочелъ бумагу отъ первой строки до послѣдней, а затѣмъ сложилъ ее вчетверо и, отдавая Щастневу, всталъ съ лавки.

— Ну, поздравляю васъ, Алексѣй Ивановичъ, еще разъ! — поклонился онъ. — Дай Богъ вамъ много лѣтъ здравствовать, и съ хозяйшкой вашей, и съ дѣтками, на новомъ пребогатомъ владѣніи.

— Значить, вѣрно, о. Михаилъ? — какимъ-то дрогнувшимъ и зазвенѣвшимъ голосомъ воскликнулъ Алексѣй Ивановичъ.

— Чего же вѣрнѣе? Купчая во всей формѣ, старшимъ нотаріусомъ утвержденная. Тутъ и сомнѣнія быть не можетъ... Ну, сыне-Алексѣй, возвеличилъ же тебя Господь, нежданно-негаданно. Да, вотъ они, неисповѣдимые-то пути Промысла! Кто ихъ постигнетъ?

— Я благодарю Господа, — перекрестился Щастневъ.

— И благодаря Его, Алексѣй Ивановичъ, молись Ему съ сугубымъ усердіемъ! Не забывай, что если кто возмогъ преподавать, тотъ и еще легче отниметь.

— А рази князь, коли захочетъ, то и вернуть можно? Какъ же нотарусъ меня завѣрялъ, быдто какъ теперь дѣло мое крѣпко, и самъ князь назадъ податься не можетъ?